

Юбилей придворного художника

Киев, 2006 - 14
- 10.09.06 - с 10.

В Новом Манеже юбилейная выставка. Сто лет Дмитрию Налбандяну. Это важный юбилей. С одной стороны – серьезная трехзначная дата, и дожить до нее обычному человеку не под силу; если празднуют – значит художник не забыт, пользуется любовью зрителей и прочно занимает свое место в истории искусства. С другой стороны, еще не улеглись страсти вокруг имени юбиляра, многие его помнят живым человеком, у него есть сторонники и противники, и полной “чистоты эксперимента” все-таки не наблюдается.

Последние лет сорок Налбандян в хорошем обществе было принято ругать. И до нашего времени дошли в сохранности в основном пренебрежительно-иронические определения в таком роде: “первая кисть Политбюро”, певец КПСС, придворный художник, по собственным словам, “работающий в области вождя”. Да и не станешь ведь вспоминать о живописце, награждая его титулами “лауреат Государственной премии” или “герой Социалистического Труда”, – какие-то нехудожественные получают воспоминания. Других эпитетов, прозвищ и званий маэстро не нашлось: не “титан”, не “виртуоз”, не “солнечный”, не “жемчужный”, не “яростный”, не “сумрачный”. Налбандян он и есть Налбандян.

Ситуация с наименованиями отражает простую правду жизни. Действительно придворный, действительно парадный, отягощенный званиями и орденами, этот художник совсем неброский – такой же, как полторы тысячи его собратьев по Союзу художников СССР, если бы не пожизненная тема его творчества – и не отличись.

В последние годы много внимания уделяют “неофициальной” части наследия Налбандяна. Этот интерес имеет под собой ясную экономическую основу. Рынок отечественного искусства ширится и крепнет. Неискушенные коллекционеры последнего призыва ориентируются на фамилии. Тем, у кого не хватает средств на Айвазовского и Шишкина, всегда можно предложить Налбандяна: это имя намертво впечаталось в сознание старшего и среднего поколений и вполне проходит по категории “художники из “Родной речи”. Но в гостиную просятся не портреты вождей, а нейтральные пейзажи или натюрморты, и поклонникам именитого художника галеристы сегодня предлагают широкий ассортимент его холстов, созданных в свободное от основной работы время. Жирно написанные портреты, ромашки, березки, коровки, дачные радости на Никольной горе – плохо усвоенные уроки импрессионизма “из третьих рук”.

Наверняка у человека, повесившего у себя дома такой пейзаж, время от времени возникает тоска по “настоящему” Налбандяну с кремлевским шиком, красными знаменами и золотыми орденами. Во всяком случае, у посетителей Нового Манежа такая тоска наблюдалась. Зрители норовили быстрее проскочить мимо небрежных пасторалей и коммерческих букетов. Народ тянулся к Ленину. Вот он, “простой как правда”, на полотне высотой в два человеческих роста, рядом он же в красной пестро-

Д. Налбандян. “Автопортрет”

те Красной площади, среди рабочих и солдат. Прочие вожди представлены в экспозиции, видимо, в точном соответствии со своим рангом и весом в истории. Сталиных тоже два, Хрущева и Брежнева – по одному. Все на месте, несмотря на небольшую площадь: выставка заняла только половину Нового Манежа.

Дух захватывает при виде “Торжественного приема в Кремле в 1945 году” (1947). Божественно прекрасный вождь спускается к народу по мраморной лестнице кремлевских чертогов – слышится плеск невидимых крыльев соратников и звуки отсутствующих на полотне фанфар. Настоящий апофеоз – во второй половине XX века так умели делать только у нас и, пожалуй, только Налбандян. Беззастенчивый китч, “красивый, как в Большом театре” и стопроцентно убедительный.

Дмитрий Налбандян дожил до возраста патриарха – 87 лет. Залогом долголетия стали жизнелюбие, трудолюбие, хорошо развитое чувство самосохранения и склонность к компромиссам. Он умел заглядывать в будущее. И первый подал пример, как должен поступать художник, чтобы в столице открылся его мемориальный музей. На юбилейной выставке к своему 80-летию Дмитрий Аркадьевич во всеулышание заявил, что дарит родной Москве пару десятков своих работ, но с условием, что они не покинут мастерскую художника. От этого предложения нельзя было отказаться. Музей организовали, он существует и по сей день.

Налбандян был человеком талантливым. Он умел оказываться в нужное время в нужном месте и верно соответствовать требованиям власти. Придворный художник редко бывает еще и великим – совпадения можно пересчитать по пальцам. В конце концов, какие вожди, такие и художники. Налбандян, безусловно, занял свое место в истории искусства “как зеркало” продолжительной советской эпохи, но, что касается двухсотлетия художника, то его, скорее всего, широко отмечать не будут.

Ольга МЕЛЬНИК